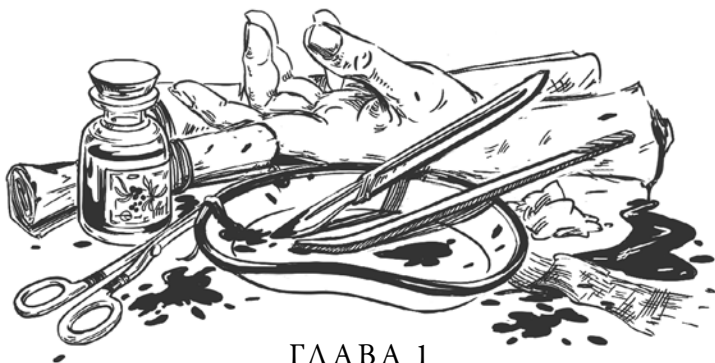

ГЛАВА 1

КРОВАВЫЕ СЛЕЗЫ БЕЗРОДНОЙ

Дориан

В морге похоронного бюро «Грейвстоун» Дориан ожидал увидеть кого угодно, но только не ее... И если бы не остывший труп на столе, Дориан с радостью препарировал бы на холодном металле чертову сироту.

— Гвинет Гриффин, — представил профессор Шарп неспособную ответить за саму себя дуру. — Наш новый мортициан.

Дориана затошнило, едва он взглянул в карие глаза Гвинет. Она хлопала ресницами, стараясь противостоять окутывавшему ее страху. Эта идиотка была лишена хладнокровия... Очевидно, как и других свойственных мортицианам качеств.

За год она не изменилась. Те же спутанные каштановые кудри, ниспадающие на худые плечи, скромная белая

рубаха с высоким викторианским воротником, вздернутый нос, усыпанный веснушками, и тонкие губы, которые она грызла в нервной судороге. Худошавая, как нищенка с улиц Уайтчепела, с бледной кожей, обтягивающей острые ключицы, и костлявыми пальцами, сжимающими потрепанный том анатомии. Обычно от Гриффин веяло пылью старых фолиантов и масляной булочной, но сейчас Дориан ощущал чистый ужас, заполнивший каждый угол мрачного зала с кафельными стенами, блестящими от недавней чистки, и рядами морозильных ящиков, гудящих, как паровые машины.

Гвинет робко растянула губы в улыбке, уставившись в его стальные глаза, и Дориан не упустил возможности обрушить на нее все свое презрение:

— «Грейвстоун» пал так низко, что теперь принимает в свои ряды безродных?

Гвинет вскинула брови. Это ее явно задело.

— Низко падаете вы, мистер Морроу, произнося столь неуважительные по отношению к мисс Гриффин и ко мне слова. — От голоса профессора Шарпа по спине пробежали мурашки — кажется, не только у Дориана, но и у трупа на столе. — Похоронное бюро «Грейвстоун» обучает как детей благородных кровей, так и членов Ордена Нетленных. В том году мы потеряли Гейба Прэтта, и ему на замену приняли Гвинет Гриффин.

Клемент Шарп был уважаемым человеком, который верой и правдой служил похоронному бюро столько, сколько Дориан себя помнил. Оттого что профессор каждый день находился в морге, его кожа забыла про солнечный свет

и стала такого же оттенка, как у трупа в одном из морозильных ящиков. Длинные темные волосы Шарп собирал в низкий хвост и прятал под белым стоячим воротником. Черная мантия, свисающая с его плеч, стелилась по полу и собирала пыль коридоров бюро. Клемент Шарп был грозным и черствым. На его лице никогда не появлялась улыбка, а угольно-черные глаза прожигали насквозь. Его боялись и живые, и мертвые. Ходили слухи, что даже трупы в морге выли, когда их препарировал Клемент Шарп.

— Замена крайне оскорбительна. Прэтт был сыном бывшего главы Ордена, но даже это не оправдывало его ничемные попытки создать лекарства. Если у него выходило скверно, на что тогда способна сирота? — Дориан уважал Шарпа и, честно сказать, побаивался, но еще больше он боялся стать напарником такой бездарности, как Гвинет Гриффин.

— Мисс Гриффин обязательно докажет свои умения. Дайте ей шанс, — отрезал Шарп.

Гвинет позеленела, когда профессор подвел ее к телу. Она с ужасом вглядывалась в обугленное лицо.

— Эдгар Бейкер. Тридцать три года. Время смерти... — профессор Шарп посмотрел на бирку, привязанную к ноге трупа, — двадцать минут седьмого. Найден в своей пекарне.

— Он сторел? — Гвинет сглотнула подступающую тошноту. Дориан еле сдержал смешок.

— Это вы нам скажите. — Профессор Шарп указал на ее руки.

Длинные пальцы Гвинет прятались в перчатках. Черные, шелковые, с алыми рюшами и рубинами на окантовке,

будто манжеты впитали в себя всю кровь безродной, они слишком хорошо сидели на руках той, кто не был их достоин. Дориан знал, откуда они у Гриффин, и злился еще сильнее. Она не заслуживала носить то, что принадлежало мортицианам по праву.

Гвинет посмотрела на Шарпа и, сморщив нос, вытянула руку вперед. Дориан увидел шрамы на ее запястье, едва прикрытые перчаткой. Ему захотелось вновь уколоть девчонку, как-то задеть ее, обидеть, но вдруг она, набравшись смелости, положила руку прямо на лицо мертвеца. Гвинет охнула, будто из груди выбили весь воздух, глаза распахнулись еще шире, зрачки помутнели, а белки покрылись алой сеточкой налившихся сосудов.

Кровь, смешиваясь со слезами, текла по щекам, заливая каждую из ее несуразных веснушек. Нити в перчатках девушки засверкали. Дориан прищурился, чтобы получше разглядеть, и нахмурился, когда понял: это не было игрой света. Он уже видел такие нити, знал, как щиплет руки, когда те сверкают, как зудит кожа и какие травы способны остановить огонь, обжигающий пальцы. Перчатки с искрящимися нитями Дориану достались по наследству. Они подарили роду Морроу власть. Их боялись так же сильно, как и желали. Уникальные. Опасные. И неповторимые.

Гвинет неотрывно смотрела в одну точку на стене за спиной Дориана. Кровь в ее глазах стала гуще, а пальцы теперь впивались в пустые глазницы. Перчатки и правда имели силу. Стоит пустить слух о них в бюро — и вопросов к этой безродной у мортициан появится немерено. Лучше бы ей занять место в одной из морозильных камер, нежели

оказаться в руках тех, кто долгие столетия мечтал эти перчатки заполучить.

— Мисс Гри... — Профессор не успел договорить.

Ноги Гвинет подкосились, и она упала на колени. Дориан услышал глухой удар о камень, за которым последовал хрип, словно желудочно-кишечный тракт Гриффин вывернуло наизнанку. Гвинет рвало долгие минуты, но ни Дориан, ни профессор Шарп не предложили ей воды. Они лишь молча наблюдали. Мортицианы должны быть стойкими, и, если этого качества не хватает идиотке, пусть уходит отсюда на своих трясущихся двоих.

— Что можете сказать про смерть Эдгара Бейкера? — Шарп поморщился, учуяв кислый запах почти переваренного завтрака из желудка Гвинет.

— А? Да... да.

Гвинет с трудом встала и оперлась руками о секционный стол. Теперь Дориан отчетливо видел испачканную кровавыми слезами рубаху и слипшиеся кудри. Перчатки всегда забирали свое, и, судя по тому, как безродная шипела от боли, она заплатила сполна. Неудивительно — перчатки не могли выбрать такую, как Гриффин.

— Прошу прощения, минуту. — Гвинет хлюпнула носом.

Она терла окровавленные глаза, пыталась проморгаться и бубнила себе под нос. Столь пристальное внимание профессора явно доставляло ей дискомфорт.

— Кажется, Эдгар Бейкер умер от пекарской астмы. Я почувствовала удушье в последние минуты его жизни, боль в легких и груди, — сказала девушка.

Дориан разозлился. Потому, что ее голос дрожал. Потому, что она еле стояла на ногах, и... потому, что ей *казалось*. В посмертном изучении болезней нужна точность, а не догадки.

— Все верно, — подтвердил Шарп, и внутренности Дориана рухнули куда-то вниз. Голова сразу заболела от сотни вопросов, что, как пчелы, жалили виски.

Дориан разозлился так сильно, что желудок обожгло изжогой. Это все было неправильно. Нечестно! По отношению к нему — да и ко всем мортицианам «Грейвстоуна»!

— Эдгар проработал в пекарном доме около двадцати лет. В записях сестер милосердия указано, что долгие годы он страдал от выраженного конъюнктивита и затяжного кашля, вызванного аллергенами, сопутствующими его профессии. Сегодня утром мистер Бейкер задохнулся в пекарском доме, очередной раз вдохнув мучную пыль и не сумев побороть приступ, он замертво упал на раскаленную сковороду, где топил сахар, и обжег себе лицо. Эдгар Бейкер скончался от болевого шока и асфиксии.

Понятно, почему в морге с утра стоял приторный запах. Мертвые тела пахли по-разному. Все зависело от вида смерти, которая их настигла. Но чтобы от трупа пахло жженой карамелью — для Дориана было впервые.

— С завтрашнего дня начнется ваше обучение, — объявил профессор Шарп, — а сегодня у вас есть время собрать вещи и заселиться в башню мортициан.

— Но профессор! — запротестовал Дориан. — Перчатки не могут выбрать... *такую, как она*.

— Это какую? — зашипела Гвинет.

— Бездарную глупую сироту, — с отвращением бросил Дориан.

Профессор Шарп закашлял, намекая, что им двоим пора замолчать. Гвинет повезло, иначе Дориан продемонстрировал бы ей свое мастерство препарирования. Ее дрожащее тело идеально подошло бы для оттачивания этого навыка.

— Вы и сами все видели, мистер Морроу. Не отрицайте очевидного, — произнес профессор Шарп. — Теперь вы напарники.

Дориан хотел было ему возразить, но тот не позволил.

— Расписание семинаров вы получите завтра на показательном вскрытии Эдгара Бейкера. — Профессор посмотрел на труп на столе. — Семья покойного благородно пожертвовала тело нашему бюро для обучения мортициан.

Это было неудивительно. Похоронное бюро в Каслтауне было одной из самых старинных организаций, и оттого почитаемой. Многие боялись «Грейвстоуна» и обходили его, как и студентов, стороной. Многие хотели здесь побывать и воочию увидеть морг, о котором распускали столько слухов. Кто-то и вовсе был готов отдать последнее, чтобы вступить в ряды его работников. Однако лишь единицы учились здесь. Лишь единицы давали клятву жизни и смерти — потомки самых знатных родов, чьи поместья стояли там, где Ирландское море облизывало песчаные пляжи.

И Гвинет Гриффин среди них не было места.

— Я хочу поменять напарницу, — сказал Дориан. — Дайте мне другого Нетленного.

— Это невозможно, — сухо ответил профессор. — Мисс Гриффин — способная ученица. Перчатки выбрали ее,

а не кого-то другого. Да, мисс Гриффин не имеет того опыта, который имеете вы, но, несмотря на это, она работала в госпитале Каслтауна и была там лучшей сестрой милосердия. За нее поручился сам...

— Кто?! — вспыхнул Дориан.

— Ваш отец.

Дориан опешил. Гвинет тоже.

Профессор Шарп направился к выходу. Воздух в морге дрожал — то ли от злости, которую источал Дориан, то ли от высокомерия Гвинет, зазнавшейся сильнее после услышанного.

— Вы же знаете, мистер Морроу, — негромко заговорил Шарп, остановившись, — что решения, которые принимает ваш отец, служат во благо мортициан, не так ли?

— Да, профессор, — шумно выдохнув, согласился Дориан.

Шарп был прав. Как и глава рода Морроу.

— До завтра, — попрощался профессор. — Ах да, мисс Гриффин, уберите с пола остатки вашего завтрака. — Поднявшись по лестнице, он наконец покинул морг.

Гвинет устало вздохнула. Она не хотела смотреть на Дориана — Дориан, напротив, бесцеремонно разглядывал ее. Каштановые кудри невероятно раздражали. Они спадали по спине, почти касаясь поясницы. Ужасно негигиенично... Еще и старомодно. Все уважающие себя девушки уже давно собирали волосы в высокий пучок.

— Ты пожалеешь о том, что приблизилась к избранным. — Дориан сделал шаг к Гвинет, она — два от него.

— Ты ничего мне не сделаешь, я хорошо тебя знаю.

— Правда так думаешь? Тогда заруби себе на носу, что ненависть моя к тебе лишь окрепла.

Гвинет вскинула брови и шагнула к Дориану. Тому стало мерзко. Он не хотел, чтобы Гриффин к нему прикасалась.

— Хотя... ненависти мало, чтобы описать то, что я испытываю к тебе и Прэтту.

— Не смей говорить о нем! — вспыхнула Гвинет. — Одна из заповедей обязует мортициан чтить мертвых. Не нарушай это правило, иначе я расскажу обо всем Шарпу.

Дориан рассмеялся. Эхо ударилось о блестящий кафель морга и растворилось в его темных углах.

— Как смело, безродная. Только где была твоя отвага, когда ты осматривала труп, а? — Он давил на нее, говорил грозно и тихо.

Гвинет стиснула зубы так, что скулы на ее худощавом лице стали еще острее. Ими можно было бы делать надрезы на трупах, подслушивающих разговор из морозильных ящиков.

Дверь в морг открылась с протяжным скрипом. На лестнице послышались шаги и голоса приближающихся мортициан.

— Твой дружок плохо кончил. — Дориан наклонился к Гвинет и поморщился от запаха переваренной еды. — Смотри, не повтори его судьбу.

И, толкнув ее плечом, он ушел, оставив безродную на растерзание другим спустившимся в морг мортицианам.

Гвинет

Гвинет знала, что в морге похоронного бюро «Грейвстоун» она встретит Дориана Морроу, но никак не могла вообразить, что перед ней предстанет до неузнаваемости изменившийся наследник древнего рода и мортициан. Гвинет не видела Дориана целый год, и ему, кажется, хватило этого времени, чтобы возненавидеть все, что между ними было. Наверное, он думал, что грубыми словами может ранить ее, но Гвинет было плевать. Дориан никогда не внушал ей страха. А вот обуглившийся труп на секционном столе, источающий запах жареного мяса и крови, — еще как.

Гвинет впервые побывала в морге. Она представляла его иначе, думала, что вонь здесь будет удушающе мерзкой, а мортицианы будут сновать туда-сюда в заляпанных кровью фартуках мимо разбросанных по полу частей тел и внутренностей. Но морг оказался... чистым. Гвинет не знала, что все рассказы старой сестры милосердия Мардж окажутся ложью. Кафель на стенах блестел, и даже стыки плит на полу были идеально вычищены. Пахло тут только хлором и спиртом — если, конечно, забыть об Эдгаре Бейкере.

Морг находился в подвале. Он был большим, с кучей комнат, которые Гвинет не успела обследовать. Профессор Шарп встретил ее у входа в «Грейвстоун» и, сопроводив через учебный коридор сквозь толпу глазающих на новенькую мортициан и зал, где семья пекаря обливалась слезами, завел в морг. Гвинет так сильно волновалась, что

успела запомнить лишь пару картин на стенах и плач жены Эдгара Бейкера. Ладони вспотели еще на улице, когда Гвинет заметила издали шпиль главной башни похоронного бюро. Она поправила ворот белой рубахи, надеясь хоть немного сойти за одну из тех, кто там учился. Однако благородной крови в ней не текло, и Дориан Морроу не пожелал еще раз напомнить ей об этом.

Гриффин не понимала, почему он смотрел на нее с презрением, с каким здоровые смотрят на чумных. Раньше, завидев ее, он улыбался, смеялся над ее кудрями и шутил, что из-за них Гвинет похожа на пугало в поле Вудов; слушал ее истории и ждал то в лесу, то на берегу Ирландского моря. Гвинет не понимала, что изменилось за этот чертов год, который она провела в трауре по друзьям, сидя в хижине или в архиве лазарета.

Сейчас во взгляде Дориана была такая ненависть, будто Гвинет убила кого-то из членов его семьи. Она заподозрила неладное еще летом, когда всю зиму и весну Дориан не приходил на *то самое* место, о котором знали лишь они двое. Гвинет переживала за него, зная, на что способен его отец, и писала письма, хоть и понимала, что, скорее всего, они послужат розжигом для камина в доме Морроу. Дориан не отвечал. Он отстранился, потерялся. И Гвинет, приняв это, отступила.

В начале осени она узнала, что тоже станет мортицианом. Гвинет ждала этого дня и думала, что их встреча растопит лед, намерзший между ними за долгую зиму, пасмурную осень и дождливое лето. Однако Дориан и сам превратился в колючую вьюгу. Он кривил губы в усмешке,

заметив, что Гриффин бледнеет при виде трупа. Смеялся, когда она плакала, и с презрением напоминал, что ей здесь не место.

Было бы глупо игнорировать тот факт, что за год Дориан изменился. Внешность его стала... иной. Он вытянулся, волосы выгорели еще сильнее, глаза посерели. Голос погрубел, а движениями он уподобился змее. Сейчас Дориан пах кедром и мятой, а раньше — лишь формальдегидом и сухоцветами. Он источал холод, липкий и густой. Гвинет не знала, в какой момент Морроу возненавидел ее. Дориан наверняка каждый день вспоминал все ее недостатки, настоящие и мнимые, в мельчайших подробностях. Гриффин не представляла, откуда в нем было столько желчи, и как, маринуя ее внутри себя, он дожил до своих двадцати, не умерев от цирроза печени.

Осень в Каслтауне была невообразимо яркой и пахучей. Будто в одном котле смешали соленый аромат моря, перетертые листья крапивы и ягоды бузины. Воздух, холодный и кусающийся, был пропитан этим запахом. А солнце, пусть уставшее и тусклое, разливалось по алым листьям деревьев. Целые леса горели необузданным пожаром. Вспыхивали в обед, тлели по ночам, а по утрам тонули в липком тумане. С каждым днем все больше листьев опадало с умирающих деревьев и стелилось кровавой дорожкой у ног жителей города. Гвинет любила осень. Но голые ветви, холодные ветра и шумные волны моря были не добрыми знаками, а предвестниками ночи, когда из могильной земли вырываются озлобленные мертвецы и неупокоенные души.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

